

ВОСПОМИНАНИЕ

О князѣ В. Ѳ. Одоевскомѣ.

ВЪ ПАМЯТЬ

О КНЯЗѢ ВЛАДИМИРѢ ѲЕДОРОВИЧѢ ОДОЕВСКОМѢ.

ЗАСѢДАНІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

13 Апрѣля, 1869 года.

МОСКВА. Въ типографіи "Русскаго".

1869.

Дозволено цензурой. Москва, 11 Іюня, 1869 г.

[OCR ImWerden](#)

Неумолимо-стремительно несется потокъ времени, и въ каждомъ его брызгѣ исчезаетъ жизнь человѣка. Не успѣли мы помянуть добраго товарища, какъ другой ужъ отлетѣлъ въ вѣчность; не успѣли мы свыкнуться съ признакомъ жизни, какъ онъ уступаетъ ужъ мѣсто туманной дѣйствительности смерти. И каждый разъ смерть застаётъ насъ врасплохъ, какъ будто неожиданность, несправедливость и обида; каждый разъ спрашиваешь себя: зачѣмъ же это такъ? почему? съ какого права? Все, кажется, было такъ хорошо устроено: комнаты были такія уютныя; на полкахъ громоздились такія знакомыя намъ книги; въ такомъ-то углу стояло фортепьяно; вокругъ письменныхъ столовъ, заваленныхъ бумагами, ожидали друзей дома такія покойныя сѣдалища... Чего не слыхали эти спутники домашней жизни! кого не видали они! На этомъ диванѣ Пушкинъ слушалъ благоговѣйно Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое послѣднее стихотвореніе; Гоголь подслушивалъ свѣтскія рѣчи; Глинка разспрашивалъ графа Віельгорскаго про разрѣшеніе контрапунктныхъ задачъ; Даргомыжскій замышлялъ новую оперу и мечталъ о либретистѣ. Тутъ перебивали всѣ начинающіе и подвизающіеся въ области науки и искусства -- и посреди ихъ хозяинъ дома, то прислушивался къ разговору, то поощрялъ дебютанта, то тихимъ своимъ добросердечнымъ голосомъ дѣлалъ свои замѣчанія, всегда исполненные знанія и незлобія... И не стало болѣе этого хозяина! Рушился домъ привѣтливый, просвѣщенію гостепріимный! Такихъ домовъ вы знали четыре: домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ Віельгорскихъ, домъ Одоевскихъ. Въ этихъ домахъ учоныя и мыслители, поэты и художники были не въ гостяхъ, а у себя дома; они чувствовали себя, какъ въ родимомъ гнѣздѣ. И то сказать надо, что ихъ было не много: для нихъ было достаточно одного крова, одной семьи. Теперь подобныя средоточія, можетъ быть, болѣе ненужны. Представители движенія въ наукѣ и въ искусствѣ размножились; они уже образуютъ не кружокъ, а стихію. Въ этой стихіи мало видно еще яркихъ звѣздъ, но то, что прежде было явленіемъ исключительнымъ, становится нынѣ общою потребностью; просвѣщеніе не бьетъ уже отдѣльными ключами, а разливается широкимъ полотномъ правильной рѣки. Время сдѣлало свое -- будущность выработаетъ новыхъ людей, опредѣлитъ новыя призванія.

Но какъ бы то ни было, имена Олениныхъ, Карамзиныхъ, Віельгорскихъ и Одоевскихъ не умрутъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Теперь могилы еще слишкомъ свѣжи, память еще слишкомъ тревожна и жива; но по мѣрѣ того, какъ событія будутъ отдаляться въ прошедшее, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія будутъ переходить къ спокойствію лѣтописи, заслуги ревнителей и духовныхъ меценатовъ русскаго знанія оцѣнятся по достоинству и передадутся потомству.

Человѣкъ умираетъ -- не умираетъ человѣчество, и все стремится впередъ къ божественной цѣли